

Иона ГРЕЙ

Иона ГРЕЙ

**ПИСЬМА
К УТРАЧЕННОЙ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Серия «Свет в океане»

Iona Gray

LETTER TO THE LOST

Перевод с английского *Ю. Фокиной*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency LLC

Грэй, Иона.

Г79 Письма к утраченной : [роман] / Иона Грей ; [пер. с англ. Ю. Фокиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-088317-2

Начинающая певица Джесс, сбежавшая от жестокого любовника-менеджера, останавливается в старинном доме, затерянном в английской сельской глуши, — и неожиданно находит там пачку старых писем.

Писем, которые рассказывают ей светлую и грустную историю времен Второй мировой войны. Историю красавицы Стеллы Холланд, ее неудачного брака с холодным и лживым священником Чарлзом Торном и ее любви к американскому летчику Дэну Росински — единственному мужчине, пытавшемуся сделать ее счастливой.

Дэн и Стелла расстались несколько десятилетий назад — но, возможно, для них еще не все потеряно? Джесс и ее друг Уилл, решившие помочь им встретиться вновь, начинают поиски...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Иона Грей, 2015

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-088317-2

Посвящается моим дочерям

Пролог

Штат Мэн, февраль 2011 года

ЛУЧШЕ ВСЕГО ДОМ ВЫГЛЯДИТ НА РАССВЕТЕ.

Согласно замыслу хозяина, огромные окна как бы впускают внутрь дюны и океан, а еще небо — широкое, просторное. По утрам пляж пуст и чист, словно страница, ожидающая дневных заметок. Восход солнца над Атлантикой — чудо, которое повторяется ежедневно. И хозяин дома считает, что благословлен правом наблюдать это чудо.

Он помнит и никогда не забывает, что все могло быть иначе — сильно иначе.

Штор в доме нет, ничто не отвлекает от пейзажа. Стены — белые; солнце окрашивает их в соответствующий оттенок. В течение суток они бывают бледно-жемчужными, затем розовыми, как ракушка изнутри, затем насыщенно-золотыми, как кленовый сироп. Хозяин дома в последнее время мало спит. К рассвету он почти всегда уже бодрствует, на его глазах над горизонтом расплывается заря. Порой он просыпается внезапно, словно его тронули за плечо.

Лейтенант, половина пятого. Сегодня у вас вылет...

Круг замыкается. Некто медленно-медленно ведет пальцем по запотевшему стеклу; линия стремится вверх, туда, откуда все и началось. Воспоминания теперь не отпускают ни на минуту, краски свежи, голоса отчетливы. Рассветы прошлых лет. Запах масла и горячего металла. Надрывный шум двигателей на взлетной полосе, красная линия на карте.

Сегодня, джентльмены, вашей целью будет...

Это было так давно. Почти целую жизнь назад. Это в прошлом, но нет ощущения, что все закончилось. Линия тянется

из широкого окна через океан, исчезает за горизонтом — там, где находится Англия.

Письмо лежит на тумбочке, среди пузырьков с таблетками и упаковок с одноразовыми шприцами. Адрес врезался в память, как стихотворение. Как песнь любви. Он слишком долго ждал, слишком тянул с написанием этого письма. Многие годы он старался примириться с существующим положением вещей, не вспоминать о том, как все должно было быть. Но сейчас, когда дни его сочтены, когда силы покидают тело подобно отливной волне, он видит — старания напрасны.

То, что он оставил позади, материально, как скалы, которые обнажает отлив. Он так и написал в письме. Осталось ждать, когда письмо начнет свой долгий путь. Путь в прошлое.

ГЛАВА 1

Лондон, февраль 2011 года

ХОРОШИЙ РАЙОН. Респектабельный. Даже богатый. Магазины уже закрылись — вон, ставни опущены, — но все равно понятно, что они шикарные, и ресторанов полно, на каждом шагу, окна светятся, как телеэкраны, внутри люди. Слишком воспитанные, чтобы плясать, чтобы вообще обращать внимание на девчонку, которая бежит по улице, за ресторанным стеклом.

Не трусцой бежит, в лайкровом костюме, с плеером и с сосредоточенным выражением лица, а бежит как сумасшедшая, наугад, не разбирая дороги, короткое платье уехало вверх, виднеются трусы, из-под ног летят брызги. Проклятые туфли девчонка сбросила сразу, как только выскочила из паба. В туфлях она бы далеко не убежала. Шпильки, да еще и на платформе, удачная замена кандалам. А главное, современная.

Добежав до угла, девчонка заколебалась. Перевела дух. Напротив, через дорогу, был ряд магазинов, вдоль них — аллея. За спиной — эхо тяжелых шагов. Она снова бросилась бежать, растворилась в темноте. Она была на каких-то задворках, среди мусорных баков. Светил фонарь, поблескивало битое стекло, перед деревянными воротами густо рос неопрятный кустарник. Она ринулась прямо в заросли. Вместо асфальта под ногами теперь чавкала налитая влагой земля, девчонка ковыляла, подвывая и всхлипывая, содрогаясь от отвращения к липким от грязи колготкам. Впереди, подобно маяку, мигал светофор. Девчонка раздвинула ветви и выбралась на узкую улицу.

По одну сторону тянулись гаражи и задворки, по другую был ряд домов ленточной застройки. Девчонка оглянулась. Сердце билось, как птичка в клетке. Однако на улице нико-

го не было. Окна домов светились сквозь опущенные шторы, словно глаза дремлющего гиганта. Девчонка хотела было постучаться в ближайшую дверь, отдаться на милость хозяев, но передумала, представив, какое впечатление произведет: мини-платье в обтяжку, сценический макияж. Она попятилась от двери.

Последний дом был погружен во мрак. Лужайка перед крыльцом и даже само крыльцо заросли сорняками, краска на двери облупилась, сбоку наседали разросшийся куст. Окна смотрели, как пустые глазницы. Отражение девчонки растворили немые стекла.

В ушах вновь зазвучало эхо быстрых шагов. Шаги приближались. Что, если он сгонял за подмогой? Что, если вся компания надвигается на нее с противоположной стороны, откуда она не ждет? Что, если ее окружили? Девчонка застыла в ужасе, а в следующий миг почувствовала жар от прилива адреналина. Поскольку скрыться больше было негде, она бросилась к крайнему дому, скользнула между стеной и бурьяном. Страх гнал ее дальше, через кусты. Незнакомый запах — пахло чем-то диким, негородским — ударил под дых. Из-под изгороди, прямо ей под ноги, метнулась какая-то зверушка, мазнув по голени прикосновением грубого меха. От неожиданности девчонка оступилась. Внезапная боль в колене ударила горячей волной.

Девчонка села прямо на мокрую землю, стиснула ногу, словно пытаясь загнать боль обратно, туда, откуда она явилась. Слезы брызнули из глаз. А потом она снова услышала шаги, да еще злобный выкрик. Воображение мигом нарисовало ей Доджа. Вот он стоит под фонарем, на чужом крыльце, подбоченившись, и высматривает ее. Лицо застывшее — челюсть напряжена, глаза сужены. Так Додж всегда выглядит, когда что-то идет не по его плану.

Девчонка затаила дыхание, напрягла слух. Секунды тянулись и трепетали от напряжения. Наконец донеслись звуки удаляющихся шагов. Она выдохнула, кажется, весь воздух, что был в легких, и, будто сдувшись, осела на землю.

В кармане хрустели деньги. Пятьдесят фунтов. Она всего лишь забрала свою долю, чужого не тронула. И все равно

Доджу это не понравится. Потому что Додж договаривался насчет аренды помещения и ему же давали наличные. Девчонка сунула руку в карман, пощупала засаленные купюры и почувствовала, что победила. Ощущение было словно красный уголек.

Она не ожидала, что попасть в чужой дом будет так легко.

Самым сложным оказалось пробраться через кустарник, через колючую проволоку ежевики и заросли крапивы. Лодыжка распухла и пульсировала болью. Не составило труда разбить стекло в задней двери — оно было хрупкое, точно осенний ледок.

Кухня маленькая, с низким потолком. Пахнет плесенью, как во всех помещениях, заколоченных долгие годы. Девчонка вглядывалась в темноту, ища признаки хозяев. Горшечное растение на подоконнике давно высохло и скукожилось, земля растрескалась, но на газовой плите стоял чайник, а на крючках под кухонной полкой висели чашки, словно хозяин, кем бы он ни был, мог вернуться в любую минуту, чтобы выпить чаю. Девчонку затрясло, и волосы на затылке ощутимо зашевелились.

— Есть кто-нибудь?

Она позвала громко и уверенно, отнюдь не чувствуя себя уверенной и не узнавая собственного голоса. Никаких интонаций, почти пародийный северный выговор.

— Есть кто-нибудь дома?

Тишина накрыла ее с головой. Внезапно она вспомнила: сунула руку в карман, нашарила дешевую пластиковую зажигалку. Кружок золотистого света был мал, но достаточен, чтобы явить кремовый кафель на стенах; календарь — фото крепости, июль 2009 года; старинный буфет со стеклянными дверцами в верхнем отделении. Прихрамывая, девчонка перемещалась по кухне; боль стиснула ее несчастную лодыжку стальными челюстями.

В следующей комнате она разглядела стол у окна и сервант, на полке которого фарфоровые танцовщицы приседали в реверансах и выполняли пируэты перед невидимой публикой.

Огонек высветил узкую лестницу. Девчонка остановилась у нижней ступени, запрокинула голову, снова позвала в темноту — на этот раз тише, будто обращалась к подружке:

— Эй! Кто-нибудь дома?

Ни звука. Сквознячок принес слабую тень старомодных духов, ведь ее голос всколыхнул воздух, застоявшийся за долгие годы. Наверное, надо было подняться на второй этаж и посмотреть, есть ли там кто живой, однако боль в ноге и полнейшая тишина оказались слишком весомыми аргументами против этой затеи.

Больше не щелкая зажигалкой из боязни, что ее засекут с улицы, девчонка проковыляла в гостиную. Шторы были наполовину задернуты, но света фонарей, проникавшего в щель, вполне хватало, чтобы разглядеть продавленный диван у стены. Покрывало было связано крючком, собрано из квадратов несочетающихся оттенков. Девчонка осторожно выглянула в окно. Она боялась увидеть Доджа, но круг света под фонарем не нарушала ни единая тень. Девчонка упала в кресло и вздохнула почти с облегчением.

В доме жил старик. Или старуха. Телевизор громоздкий, до смешного несовременный; у каминной решетки стоит электрический обогреватель. У порога целая гора писем — словно осенняя листва, собранная дворником для сожжения.

Девчонка прохромала обратно в кухню, открыла кран. Трубы захрипели и не сразу выплеснули воду. Девчонка подставила под струю ладони, стала жадно пить. Кто жил здесь? Что стало с этими людьми? Куда они делись — были отправлены в дом престарелых, умерли? Но ведь после смерти хозяина дом избавляют от рухляди, разве нет? По крайней мере так было, когда умерла бабуля. Через неделю после похорон вся бабулина одежда, все ее фотографии, тарелки и кастрюли, а заодно и обширная коллекция фарфоровых поросят и осколки незадавшегося детства самой Джесс были упакованы и распределены по соседям, чтобы муниципалитет мог пустить в дом нового съемщика.

Темнота казалась мшистой на ощупь, сырой. По предплечьям, прикрытым курткой из кожзама, побежали мурашки.

Что, если хозяин умер здесь, в этом доме; что, если тело не было обнаружено? Некий мазохистский инстинкт, бог весть откуда взявшийся, заставил Джесс нарисовать в воображении картинку: разлагающийся труп на кровати в спальне на втором этаже. Она быстро прогнала видение. Верх взял здравый смысл. Мертвые безобидны, не то что живые. Покойник не расквасит тебе губу, не присвоит твои деньги, не станет сжимать пальцы на твоей шее, пока перед глазами звездочки не заплещут.

Ужасная усталость вдруг навалилась на Джесс, волны от боли в ноге кругами расходились по всему телу, и без того измотанному, выдохшемуся. Она поплелась в гостиную, села на диван, уронила лицо в ладони, стала перебаривать события последнего часа.

Черт! Она вломилась в чужой дом. Необитаемый и запущенный, но все-таки чужой. Это серьезно. Это не пакет чипсов стырить в киоске с единственной целью: чтобы тебя не обзывали побирешкой за то, что ешь бесплатные школьные обеды. Нет, вломиться в чужой дом — это преступление из принципиально иной категории.

Зато Джесс удалось сбежать. Она не вернется в квартиру над «Слоном и ладьей», которую делила с Доджем. Она больше не будет терпеть приступы похоти, которые обуревали Доджа после того, как он целый вечер, накачиваясь пивом, пялился на Джесс, им же и наряженную как шлюха, поющую в пабе. Ни нынче вечером, ни завтра, никогда больше она не будет ублажать Доджа. А первым делом, как только заживет нога, Джесс пойдет в секонд-хенд и купит себе приличную одежду. Приличную и теплую. Таковую, которая закрывает тело, а не выставляет его напоказ, точно в витрине магазина сниженных цен — мол, налетай, подешевело.

Вся дрожа, она легла навзничь, ногу закинула на спинку дивана, обложила подушками, которые пропахли сигаретным дымом. Интересно, где сейчас Додж? Бросил поиски, вернулся в квартиру, сидит и ждет, уверенный, что Джесс рано или поздно сама приползет на брюхе? Потому что она в нем нуждается, как он ей внушал; нуждается в его связях, в его

умении договариваться и в его деньгах. Потому что без него она кто? Никто. Провинциалка с северным выговором. Что же до голоса, таким обладают тысячи начинающих певичек. И если бы не он, Додж, этот голос вообще бы никто никогда не услышал.

Она стянула с диванной спинки покрывало, закуталась. Тело отяжелело. Внезапно Джесс поняла, что ей совершенно все равно, где Додж. В первый раз за полгода его планы, ощущения и потребности не имели к ней никакого отношения.

Незнакомый дом поглотил ее, заморозил безмолвием. Город шумел где-то далеко-далеко, звуки моторов с мокрых улиц умалились до едва слышных вздохов, стали походить на шорох океанских волн. Джесс смотрела на тени, смотрела — и вдруг начала напевать почти шепотом, чтобы не спугнуть тишину. Мелодия была не из тех, что она совсем недавно исполняла в пабе; мелодия была из прошлого. Колыбельная, которой бабуля убаюкивала маленькую Джесс. Слова позабылись, зато ноты гладили Джесс, как, бывало, бабуля гладила — по спине, по голове, — и скоро Джесс уже не чувствовала себя такой одинокой.

Когда она проснулась, сквозь тонкие шторы проникал свет; кусок неба, видный в проеме, был словно обесцвечен отбеливателем. Джесс повернулась на диване и чуть не вскрикнула. Казалось, некто только и ждал, чтобы она сделала хоть какое-то движение, и, дождавшись, саданул по ноге кузнечным молотом. Джесс замерла, стала, в свою очередь, ждать, пока схлынет волна боли.

За стеной слышались шумы: интервью по радио сменилось музыкой, на соседнем крыльце раздался топот. Джесс села; стиснув зубы, опустила ногу на пол. В промозглой ванной, взгромоздившись на ледяной унитаз, стащила изорванные колготки и осмотрела лодыжку. Не узнала ее: лодыжка отекала и посинела под слоем вчерашней грязи.

Такой модной новинки, как душ, в ванной не было — только глубокая чугунная ванна с заржавленным краном и раковиной в углу. Над раковиной помещался шкафчик с зеркальными

дверцами. Джесс открыла его, надеясь найти что-нибудь полезное — гель от ушибов или эластичный бинт. Но полочки были заставлены пузырьками и коробочками, более уместными в музее. Блеклые этикетки заявляли о лекарствах прошлой эпохи: «Молочко магнезии», «Каолин», «Микстура от кашля». Среди лекарств на нижней полке обнаружилась помада в золоченом футляре.

Джесс взяла ее, подержала в пальцах, прежде чем снять колпачок и повернуть основание футляра. Помада была красная. Яркий, динамичный алый. Цвет маков, почтовых ящичков и губ кинодив середины прошлого века. Выемка на верхушке алой трубочки, наверное, много сказала бы специалисту о форме рта женщины, что обитала в этом доме. Джесс попыталась представить хозяйку золоченого тюбика и всего дома. Вот она, хозяйка, стоит в ванной (черно-белый плиточный пол, на стенах лепнина). Она уже старая, но, не помня о старости или в пику ей, отчаянно мажет губы алой помадой только для того, чтобы пройтись по магазинам или скоротать вечерок у соседки за игрой в лото. Волна восхищения и любопытства захлестнула Джесс.

Пожелтевший эластичный бинт обнаружился на верхней полке. Джесс взяла моток и упаковку аспирина, проковыляла на кухню. Сняла с крючка чайную чашку, налила воды, бросила в воду две шипучие таблетки. Дожидаясь, пока таблетки растворятся, Джесс оглядывалась по сторонам. В скудном утреннем свете дом предстал совсем заброшенным. И все-таки в расположении жестяных банок с надписями «ЧАЙ», «РИС» и «САХАР», в многочисленных царапинах на разделочной доске, в подпалинах на кухонных рукавицах, висевших над плитой, Джесс уловила то, что принято называть духом домашнего очага. Чашка в ее руке была зеленого цвета с радужным отливом, какой оставляют в лужах капли бензина. Джесс таких раньше не видела. Она даже потеряла чашку пальцем, но отлив не исчез. Что за прелестная вещь, думала Джесс, что за славное место. Какой контраст с квартирой над «Слоном и ладьей», где кухня изобилует захватанными, недомытыми фаянсовыми кружками.